

## К РАЗГАДКЕ ОДНОЙ ИЗ ТАИН СТРАТЕГИИ НАПОЛЕОНА 1812 г.

За годы, прошедшие после окончания Отечественной войны 1812 г., историки разгадали многие тайны наполеоновской дипломатии и стратегии. Но ряд вопросов еще нуждается в дальнейшем изучении. К их числу относится и стратегический план Наполеона при отходе из Москвы: куда намеревался вести свою армию французский император в начале октября 1812 г.; что думал предпринять в дальнейшем?

Над этим вопросом размышляли еще сами участники борьбы с «двунадесятиязычной» армией, для которых он имел практическое значение. Уже тогда выявились расхождения в понимании стратегического замысла Наполеона. 18 октября генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин писал М. С. Воронцову: «Я в превеликом страхе на счет хода неприятельского и дрожу, чтобы он не... очутился в Калуге, откуда ему удобно будет неразоренными местами дойти до Вольни, избегая встречи с Чичаговым»<sup>1</sup>. Иной точки зрения придерживался только что смещенный М. И. Кутузовым с поста и. о. начальника Главного штаба Л. Л. Беннигсен. 9 ноября неизвестному адресату он писал: «Уверяли, будто Наполеон хотел пробиться сквозь нашу армию, чтобы овладеть Калужской дорогой, перейти Оку и двинуться через Малороссию, Подольскую или Вольнскую губернии – словом, это была страшнейшая чепуха». Беннигсен считал, что Наполеон шел на Калугу с целью «удалить нас (т. е. русскую армию. – Б. А.) от его коммуникационной линии, чтобы замаскировать свое отступление и прикрыть транспорты». Касаясь приказа Наполеона о строительстве новой военной дороги от Смоленска до Калуги, Беннигсен считал: «Он предполагал воспользоваться этой военной дорогой для отступления к Смоленску»<sup>2</sup>.

В публицистических и исторических сочинениях, изданных во время войны и первые после нее годы, преобладала точка зрения Ф. В. Ростопчина. Так, в «летучей» брошюре «Обрат-

ный поход французов из России», выпущенной походной типографией Главного штаба в декабре 1812 г., ее сотрудник Э. Пфуль подробно рассмотрел возможные пути отхода Наполеона из Москвы и пришел к выводу, что «не оставалось ему под конец другого, как сильно обратиться на южные губернии...»<sup>3</sup>. В конце 1812 – начале 1813 г. брошюра переиздавалась не менее 30 раз, в том числе на французском, немецком, итальянском, английском, польском и других европейских языках<sup>4</sup>. Совершенно очевидно, что она отражала кутузовскую концепцию Отечественной войны в целом и планов французского императора после оставления Москвы, в частности.

Такого же мнения придерживался и А. М. Безобразов, который считал, что Наполеон «хотел нечаянным движением предупредить нас, или сокрыть прямую свою цель, угрожая вдруг прорваться у Малоярославца в южные провинции». В движении французской армии на Калугу автор видел далеко идущий план французского императора: «Тогда при отступлении своем через сии плодороднейшие страны России, по крайней мере, вознаградил бы он претерпенную им в Москве потерю свою, приобретая новые способы к продовольствию своих армий и угрожая России с Юга новою опасностью»<sup>5</sup>. Автор первого крупного исторического сочинения о войне 1812 г. Я. Тихонов также полагал, что «неприятель старался обойти Главную русскую армию и пройти к Калуге, дабы вторгнуться в хлебородные и изобильные губернии»<sup>6</sup>.

Двойственную позицию по этому вопросу занял участник Отечественной войны подполковник Д. И. Ахшарумов. По его мнению, Наполеон стремился разорить Калугу «и потом продолжать следовать или к Смоленску или Витебску свежими дорогами», но мог также «обратиться на опустошение южных губерний»<sup>7</sup>. Ни та, ни другая точка зрения документами не подтверждались. Авторы ограничивались общими рассуждениями о выгодности того или иного направления.

Этот вопрос широко освещался в зарубежной литературе 20-30-х годов XIX в., но и здесь не было единого мнения. Например, Г. Жомини считал, что французский император вел свою армию на Калугу для того, чтобы прорваться на Украину, перезимовать, а весной 1813 г. возобновить войну с Россией. Автор основывался на документах Главного штаба фран-

цузской армии и самого Наполеона<sup>8</sup>. Статс-секретарь Наполеона А. Фэн, напротив, заявлял, что, покинув Москву, французская армия должна была захватить Калугу, а затем повернуть на Смоленск, отойти в междуречье Западной Двины и Днепра. Он ссылаясь на письмо Наполеона, якобы посланное 4 (16) октября министру иностранных дел Франции Г.-Б. Маре (герцогу де Бассано) в Вильно.

Этот документ очень важен, поэтому процитируем его: «За несколько дней уведомлял я вас о намерении моем стать на зимние квартиры между Днепром и Двиною. Теперь настало к тому время. Армия выступает; 19-го я выхожу из Москвы по Калужской дороге. Если неприятель издумает защищать Калугу, я его разобью; потом, смотря по погоде, или сделаю поиск на Тулу, или пойду прямо в Вязьму. Во всяком случае, в начале ноября я поставлю армию на пространстве между Смоленском, Могилевом, Минском и Витебском. Решаюсь на это движение потому, что Москва не представляет больше военной позиции. Иду искать другой позиции, откуда выгодней будет начать новый поход, действие которого направлю на Петербург или Киев»<sup>9</sup>.

Может показаться, что перед нами подлинный план действий французской армии на конец 1812 – начало 1813 года. В действительности же все гораздо сложнее. Во-первых, хорошо известно, что Наполеон часто прибегал к дезинформации противника. Во-вторых, очень сомнительно, чтобы он отправил подробный план действий за тысячу верст в Вильно, зная, что на каждой версте его курьера вместе с планом могут захватить русские партизаны. Но главное – Наполеон никогда такого письма не писал. В этом можно убедиться, если сравнить цитированное «письмо» с похожим, но имеющим принципиальные отличия документом, опубликованным в 24-м томе «Переписки Наполеона» в 1868 г. Наиболее его важная часть такова: «Его величество, отправив раненых и больных (числом 2-3 тыс.) в Смоленск, собрался выступить из Москвы 19-го и двинуться на Калугу, разбить неприятельскую армию, если она, как объявляют, захочет защищать эту большую крепость, и, в зависимости от погоды, пойти на Тулу или на Брянск или вернуться обратно в Смоленск, если погода станет суровой. Император думает, что в первые недели ноября он распо-

ложит свои зимние квартиры между Смоленском, Минском и Могилевом. Он решил сделать это движение, потому что Москва, которая перестала существовать, не является хорошей позицией».

Составители комментария к «Переписке Наполеона» подчеркивают, что этот документ не принадлежит перу Наполеона, а является инструкцией Маре французскому посланнику в Вене Отто. Структура документа полностью подтверждает эту характеристику: он состоит из двух частей – письмо Наполеона Маре от 4 (16) октября с требованием подготовить общественное мнение союзных стран к отступлению французской армии из Москвы, а ниже – сообщение, составленное французским министром. Текст его взят в кавычки и подписан «Герцог де Бассано. Вильна, 26 октября 1812 г.»<sup>10</sup>. Таким образом, документ, принятый Фэном за письмо Наполеона, таковым не является. Он был написан Маре и разослан по европейским столицам с целью дезинформировать правительства и общественность подвластных Наполеону стран о планах французского императора.

В 1835 г. в книге «Поход 1812 года в Россию» известный немецкий военный историк К. Клаузевиц утверждал, что наступление Наполеона на Калугу велось с ограниченной целью – потеснить русскую армию, чтобы затем спокойно отходить на Смоленск. «Отступающий в неприятельской стране, – пояснял Клаузевиц, – как общее правило, нуждается в заранее подготовленной дороге». Такой дорогой, по его мнению, могла быть только Большая Смоленская, т. к. она была «обеспечена соответствующими гарнизонами», на ней были «устроены необходимые армии магазины». Клаузевиц высмеивал тех историков, которые, по его словам, «так упорно отстаивают мысль, будто Наполеону следовало избрать для своего обратного пути другую дорогу, а не ту, по которой он прошел»<sup>11</sup>. Свое мнение Клаузевиц не подкреплял фактами и документами, но оно небесспорно. Прежде всего непонятно, для чего Наполеону нужно было ввязываться в сражение с армией Кутузова, если он мог пройти из Москвы кратчайшим путем на Смоленск. В этом случае французы действительно на несколько переходов оторвались бы от русской армии.

Утверждение Клаузевица о «подготовленности» Смоленс-

кой дороги не соответствует действительности. Главный интендант Великой армии генерал Л. де Пюибюск писал, что ему не удалось создать в Смоленске и в других городах запасов провианта. «Я могу сказать смело, – заявлял он, – что и Робинзон на необитаемом своем острове гораздо более нашел пособий, нежели наша армия в Смоленске»<sup>12</sup>. О том, что Наполеону не удалось создать на Смоленской дороге необходимых запасов, знал Кутузов. 7 ноября фельдмаршал докладывал Александру I: «Должно было заставить его (Наполеона. – Б. А.) идти по Смоленской дороге, на которой (как нам известно было) он не приготавливал никакого пропитания»<sup>13</sup>. Теоретические предположения Клаузевица опровергла действительность: отброшенная от Малоярославца, зажатая со всех сторон русскими войсками, французская армия, отступая по Смоленской дороге, испытывала острую нехватку продовольствия.

В дальнейшем в русской историографии мирно сосуществовали две версии. Мнение А. Фэна и К. Клаузевица разделяли такие историки, как А. И. Михайловский-Данилевский, Б. А. Никулищев, Н. П. Михневич и др.<sup>14</sup> Никаких новых документов они не приводили. Так, А. И. Михайловский-Данилевский опирался только на «письмо» Наполеона от 4 (16) октября 1812 г., заимствованное у Фэна, а Никулищев – на бездоказательные рассуждения Клаузевица о «подготовленной дороге» и невозможности «бросить операционную линию». Напротив, П. А. Ниве утверждал, что, покидая Москву, Наполеон рассчитывал прорваться на Украину<sup>15</sup>.

Эта точка зрения получила широкое отражение и в ряде работ французских исследователей. Так, А. Вандаль подчеркивал, что в условиях надвигающейся зимы «Наполеон инстинктивно направился на юг, в южные губернии, в теплые и урожайные места»<sup>16</sup>. На рубеже XIX-XX вв. во Франции вышел в свет многотомный труд под редакцией профессоров Э. Лависса и А. Рамбо «История XIX века», во 2-м томе которого освещался поход Наполеона на Москву и его бесславный конец. Авторы специально остановились на плане отхода французского императора из Москвы, отметив, что «отступление казалось Наполеону операцией чрезвычайно опасной, с точки зрения политической, для его престижа в Европе и во Франции; с точки зрения военной – операцией чрезвычайно сложной...».

Ученые считали, что «одно время он думал зимовать в Москве», «подумывал также о движении на Петербург», но, в конечном счете, «остановился на плане пробиться по Калужской дороге и вместо того, чтобы возвращаться на запад через области, уже разоренные Великой армией, вернуться туда через южные области России, где все ресурсы еще оставались нетронутыми». «Чтобы открыть себе дорогу через южную Россию, — подчеркивали они, — надо было сначала разбить Кутузова»<sup>17</sup>.

«История XIX века» была переведена на многие языки, в том числе на русский, причем русское издание вышло в свет дважды — в 1906 и 1938 гг., второе — под редакцией Е. В. Тарле. Однако сам Тарле в опубликованной в 1938 г. книге не разделял мнения Э. Лависса и А. Рамбо по данному вопросу, а полностью положился на авторитет К. Клаузевица, развив его мысль о «подготовленной дороге». «У Наполеона, — писал Тарле, — по смоленско-минско-виленской дороге были гарнизоны, были продовольственные склады и запасы, эта дорога была подготовленной, а на всем юге России у него ровно ничего подготовлено не было. ...Южные губернии могли быть в десять раз богаче Смоленска, но в Смоленске у Наполеона были готовые запасы, а на юге у него ровно ничего не было. И это решило дело». Нетрудно заметить, что Тарле полемизирует с теми авторами, в том числе с Лависсом и Рамбо, которые придерживались «украинской» версии.

Но, как и Клаузевиц, он заблуждался, считая, что у Наполеона в Смоленске имелись запасы продовольствия и что французский полководец узнал об их отсутствии, только «войдя в Смоленск в ноябре 1812 г.». Как будет показано ниже, Наполеон знал об этом, находясь в Москве. Движение французской армии на Калугу Е. В. Тарле объяснял тем, что на этой дороге «еще были «нетронутые деревни» (выражение маршала Даву), а другая была сплошной выжженной пустыней»<sup>18</sup>. Здесь автор явно противоречит действительности: никаких «нетронутых деревень» между Калугой и Смоленском не было. Эта местность находилась в сфере боевых действий, подвергалась налетам французских фуражиров и дезертиров<sup>19</sup>.

П. А. Жилин считал, что Наполеон шел на Калугу для того, чтобы овладеть калужскими запасами, «значительно улучшить

положение своей армии», чтобы затем «безопасно продолжать отступление на Смоленск через плодородные и нетронутые районы»<sup>20</sup>. Однако это не вяжется с фактическими данными о запасах провианта: 6 октября французские войска располагали продовольствием на 20 дней<sup>21</sup>. Этих запасов хватало для того, чтобы из Москвы дойти до Смоленска кратчайшим путем. Да и мог ли Наполеон рассчитывать на то, что русские отдадут ему продукты, не уничтожат их, как сделали это в пограничных районах или в Москве, тем более что запас продовольствия и фуража в Калуге был невелик<sup>22</sup>.

Л. Г. Бескровный не высказал по рассматриваемому вопросу определенного мнения. С одной стороны, он указывал, что, «отвергнув предложение приближенных лиц зимовать в Москве, Наполеон окончательно решил идти на Калугу, захватить калужские склады, после чего отойти на зимовку в междуречье. Окончательный план Наполеон сообщил своему министру Маре». Далее со ссылкой на труд А. И. Михайловского-Данилевского приведено «письмо» Наполеона Маре от 4 (16) октября. С другой же стороны, оценивая итоги и последствия Малоярославецкого сражения, автор делает вывод: «Кутузов преградил Наполеону путь в южные губернии и этим обрек французскую армию на отступление по разоренной дороге». По его словам, отход русской армии к Полотняному Заводу «обеспечивал возможность преградить Наполеону путь на Украину»<sup>23</sup>. Спрашивается, зачем надо было преграждать путь Наполеону на Украину, если он намеревался отступать в междуречье?

По-разному определялся план отхода Наполеона из Москвы в учебной литературе. Например, С. Б. Окунь считал, что «французская армия двигалась по Калужской дороге для того, чтобы через Калугу прорваться обратно к Смоленску. Именно к Смоленску, где имелись запасы, где должны были быть сконцентрированы огромные продовольственные магазины, мог следовать Наполеон, оставляя Москву. Движение к югу было бы столь же бессмысленным, как и дальнейшее пребывание в Москве»<sup>24</sup>. В учебнике же по истории СССР для студентов исторических факультетов педагогических институтов говорилось: «Оставив Москву, Наполеон сделал попытку прорваться на относительно обеспеченную продовольствием Калужскую

дорогу и даже при благоприятных условиях занять плодородные поля Украины»<sup>25</sup>. При этом утвердилась традиция рассматривать вопрос об отходе Наполеона из Москвы вне связи с действиями его войск на других театрах войны. Главными источниками по-прежнему были так называемое «письмо Наполеона» Маре и бездоказательные рассуждения К. Клаузевица. Авторы не использовали оперативную переписку французского императора за сентябрь-октябрь 1812 г., не делали анализа документов М. И. Кутузова.

В 1985 г. в журнале «Вопросы истории» было опубликовано моя статья «О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 г.», в которой события рассматривались не только на московском, но и юго-западном театрах военных действий. На основе изучения разнообразных источников был сделан вывод, что, оставив Москву, Наполеон стремился прорваться в украинские губернии. Его главной армии помогали французские войска, находившиеся в Южной Белоруссии. Анализ документов Кутузова и его штаба позволил сделать заключение, что с момента выхода французов из Москвы и до последних дней жизни фельдмаршал считал, что французский император намеревался прорваться в «полуденные губернии», перезимовать там, а весной 1813 г. возобновить военные действия<sup>26</sup>.

Признав, что «автор очень убедительно доказал, что Кутузов, основываясь на разведанных, исходил из предположения о направлении движения Наполеона из Москвы на Украину», В. М. Безотосный неожиданно заключил: «Но это не означает, что и Наполеон в своих действиях руководствовался этим планом. С главным выводом Абалихина трудно согласиться»<sup>27</sup>. Безотосный почему-то не учел, что в статье, во-первых, говорилось о том, что свой вывод Кутузов основывал не только на разведанных, но и на показаниях пленных, в том числе наполеоновских генералов, и на отбитых у противника документах. Во-вторых, Безотосный своими рассуждениями поставил все с ног на голову. Кутузов очень осторожно подходил к оценке действий Наполеона. Только 28 октября он с полной уверенностью заявил о намерении французского императора «с изнуренным своим войском» прорваться в Черниговскую и Полтавскую губернии.

С критическими замечаниями по нашей статье выступил и Н. А. Троицкий, почему-то заявивший, что вопрос о том, куда повел свою армию Наполеон, «больше полутора веков почти всеми» историками считался решенным и только «в последние годы неожиданно обрел дискуссионность». Как было показано, начиная с 1812 г. по этому вопросу всегда высказываются противоречивые суждения. Н. А. Троицкий признал, что Б. С. Абалихин «установил, что так называемое письмо Наполеона к герцогу Бассано (Г.-Б. Маре) от 16 октября 1812 г. (н. ст. – Б. А.) – одно из главных доказательств «смоленской» версии – представляет собой в действительности инструкцию самого Маре французскому посланнику в Вене». Согласился он и с тем, как М. И. Кутузов оценивал замысел французского полководца, но почему-то заключил, что «так писать Кутузов стал только с 9 ноября (н. ст. – Б. А.), когда Наполеон был уже в Смоленске». Между тем в статье отмечалось, что первая запись в журнале военных действий Главного штаба о намерении французской армии «следовать на Калугу и далее и через то овладеть изобильнейшими губерниями» была сделана 11 (23) октября, т. е. до Малоярославецкого сражения. Явно не соответствует действительности заявление Н. А. Троицкого о том, что точка зрения об отходе Наполеона через Калугу на Смоленск «капитально документирована». Не убедителен и довод автора о том, что о намерении французского императора отходить в этом направлении «в один голос утверждали самые осведомленные из мемуаристов «Великой армии» – А. Коленкур, А. Фэн, Ф. П. Сегюр...»<sup>28</sup>.

Думается, что это единодушие приближенных французского императора и должно насторожить историка. Выше говорилось, что А. Фэн, пожалуй, один из самых осведомленных авторов, посчитал (и с этим согласен Н. А. Троицкий) письмо Г.-Б. Маре за послание Наполеона. А ведь этот «документ» служил и сейчас служит основным источником версии об отходе Наполеона в междуречье. Единодушие мемуаристов, видимо, можно объяснить тем, что они не хотели подрывать репутацию своего кумира: одно дело, что ему не удалось решить тактическую задачу – взять Калугу, другое – в боях под Малоярославцем рухнул грандиозный стратегический план французского полководца.

Именно в такой плоскости и надо решать этот непростой вопрос. И Наполеон, и его приближенные много сделали для того, чтобы дезинформировать русское командование в 1812 г., а после войны «самые осведомленные из мемуаристов» вводили в заблуждение читателей.

В первые две недели пребывания в Москве Наполеон утверждал, что будет здесь зимовать и заставит русское правительство подписать выгодный для него мир. По его приказанию Кремль, окружавшие Москву монастыри и часть сохранившихся зданий были укреплены. Спешно создавались запасы продовольствия и фуража. «Была произведена тщательная уборка овощей, в частности капусты, на огромных огородах вокруг города. В районе двух-трех лье от города убрали также картофель и сено, сложенное в многочисленных стогах; транспорт был непрерывно занят перевозкой этих продуктов»<sup>29</sup>. Маршал Л.-Н. Даву писал жене 18 (30) сентября: «Несмотря на пожар, мы находим огромные ресурсы для продовольствия»<sup>30</sup>.

Главный хирург наполеоновской армии Ларрей в своих записках отмечает, что провизии, найденной в Москве, хватило для того, чтобы прокормить всю армию в течение полугода. Видимо, опираясь на эти и другие источники, Э. Лависс и А. Рамбо сделали заключение, что «Великая армия могла бы просуществовать в течение 6 месяцев теми припасами, которые сохранились в погребах»<sup>31</sup>. Вступившие в Москву русские войска обнаружили огромные запасы, которых вполне хватило бы французской армии на всю зиму<sup>32</sup>. Таким образом, распространенная версия, будто французская армия в Москве испытывала недостаток провианта и поэтому вынуждена была оставить город, не соответствует действительности. Наполеон шел на Калугу отнюдь не для того, чтобы «овладеть запасами русской армии».

Что же заставило завоевателя покинуть Москву? На такое решение повлияли многие факторы: и упорное нежелание русского правительства вступать в переговоры, и начавшееся разложение французской армии, и действия русских партизан и ополченцев (за пять недель войска Наполеона потеряли свыше 30 тыс. солдат и офицеров), и тревожные сообщения из Франции, где поднимала голову оппозиция, и нарастающая

мощь русской армии, угрожавшей из Тарутина главной коммуникации Наполеона. В том или ином сочетании эти обстоятельства историки приводят, когда они объясняют причины, побудившие оставить Москву.

Была и еще одна, может быть, наиболее веская. В середине сентября активизировались русские войска, находившиеся на флангах. Отдельный корпус под командованием генерала П. Х. Витгенштейна перешел в наступление и овладел Полоцком. На Вольню прибыла Дунайская армия под командованием адмирала П. В. Чичагова. Французское командование внимательно следило за перемещением этой армии и пыталось определить ее предназначение. Наполеон считал ее немногочисленной и думал, что она будет направлена для подкрепления войск Кутузова<sup>33</sup>. Такого же мнения придерживался и начальник его штаба маршал Л. А. Бертье. «Очень невероятно, — писал он французскому посланнику в Варшаве Д. де Прадту, — что русские останутся на Вольни после тех больших событий, которые произошли в центральной части России». Численность войск Чичагова Бертье определял в 30 тыс. человек, по находил, что они «в очень плохом состоянии»<sup>34</sup>. Командующий австрийским корпусом фельдмаршал К. Шварценберг, наступавший на Украину с северо-запада, считал, что Дунайская армия будет действовать против его войск. 12 сентября он доносил маршалу Л. А. Бертье, что «положение и сейчас затруднительно, но может сделаться еще более серьезным».

Донесение Шварценберга поступило в наполеоновскую ставку 24 сентября и вызвало беспокойство. Первая мысль французского императора была об измене вассалов: «Австрийцы и пруссаки — враги, находящиеся у нас в тылу», — заявил он. Но особое опасение вызвало прибытие на Вольню Дунайской армии. Наполеон разгадал намерение русского командования встречным наступлением войск с севера и юга перерезать коммуникации французов, отрезать их от тылов. Бертье посоветовал императору «как можно скорее осуществить его первый проект: покинуть Москву и отойти поближе к Польше, так как это поставит преграду всяческим злым умыслам и удвоит наши силы»<sup>35</sup>.

С 24 сентября началась подготовка отступления. Наполеон отдал ряд приказов, отражающих его стратегический план

ведения войны на новом этапе. Шварценбергу, под командованием которого находился еще и саксонский корпус генерала Ж. Ренье, Наполеон приказал удерживать занимаемые позиции и не допустить продвижения Дунайской армии на северо-восток. Два послания он направил своему тестю — австрийскому императору Францу I: в первом просил «усилить князя Шварценберга, чтобы он не уронил чести австрийского оружия»; во втором, направленном через два часа после первого, потребовал двинуть в тыл русских войск корпус генерала Г. Рейсса, стоявший в Лемберге (Львове), и направить Шварценбергу 10-тысячное пополнение. «Я сам наметил послать 3 тыс. пехоты, чтобы возместить его потери», — заканчивал свое послание Наполеон. Следовательно, 30-тысячный австрийский корпус должен был получить пополнение в 13 тыс. человек. Своему «старому соратнику», как уважительно называл Наполеон маршала К.-П. Виктора, он подчинил все войска (свыше 40 тыс. солдат и офицеров), расположенные в Смоленской губернии и Южной Белоруссии. Они должны были поддерживать, в зависимости от обстановки, либо группировку Шварценберга, либо корпус маршала Л. Гувиона Сен-Сира, противостоявший войскам Витгенштейна.

В тот же день, 24 сентября, французский император написал своему посланнику в Варшаве ускорить набор рекрутов в герпогстве Варшавском, сформировать отряды польских «казаков» численностью 30-40 тыс. человек и немедленно послать их Шварценбергу. Его тревожили потери саксонского корпуса Ренье. «Напишите в Саксонию, — дал он указание Маре, — чтобы прислали пехотинцев, кавалеристов и артиллеристов для пополнения саксонского корпуса». 15-тысячной дивизии генерала Дюрютта, расположенной под Варшавой, было приказано форсированным маршем следовать на соединение с австро-саксонскими войсками. В директиве Маре от 26 сентября Наполеон сетовал на бездействие австрийских войск в Галиции и предписывал своему министру через Шварценберга и французского посланника в Вене воздействовать на австрийское правительство. «Передайте, — требовал он, — что меня очень удивляет то, что принц Рейсс не делает движения в тыл русских войск». В те же дни он просил свою супругу, дочь Франца I: «Пиши чаще своему отцу, рекомендуй ему

усилить корпус Шварценберга». Заметим, что до этого с подобными просьбами Наполеон к Марии-Луизе не обращался<sup>36</sup>.

Итак, на западном участке своего правого фланга Наполеон, очевидно, хотел довести численность войск Шварценберга до 160 тыс., ввести в действие новые австрийские войска, прежде всего 30-тысячный корпус Рейсса, комбинированным ударом с запада и юго-запада разгромить 3-ю Западную и Дунайскую армии и овладеть западными губерниями Украины. В случае необходимости группировка маршала Виктора должна была поддержать австро-польско-саксонские войска.

К. Клаузевиц и Е. В. Тарле считали, что Наполеон не имел возможности отступать южным путем, потому что на Смоленской дороге у него располагались войска и он не мог их бросить. Безусловно, французский император, как и другие полководцы его эпохи, придавал важное значение операционной линии, но он не был догматиком, как его пытаются изобразить некоторые историки, т. к. допускал возможность изменения операционной линии. «Я знаю, — писал он, — что нельзя жертвовать операционной линией и сообщениями: действия такого рода противны здравому рассудку и первоначальным правилам военного искусства. Но в решительных случаях бывают моменты, когда победа требует жертвы и когда приходится сжечь корабли свои»<sup>37</sup>.

Именно такой решительный случай и наступил для французской армии в начале октября 1812 г. Наполеон решил «сжечь корабли свои» — перебросить значительные силы своей операционной линии на юг. Так, минскому губернатору генералу Брониковскому он предписал останавливать все маршевые роты и направлять их на усиление 17-й польской дивизии генерала Я. Г. Домбровского, осаждавшей Бобруйскую крепость, самому же Домбровскому приказал снять осаду, повести наступление на Мозырь, где располагался русский корпус генерала Ф. Ф. Эртеля. «Вы должны отбросить Эртеля», — требовал полководец. Маршалу Бертье он предписал создать в Смоленске группировку в составе только что прибывшей из Франции пехотной дивизии генерала Барага д'Илье, восьми французских и польских кавалерийских полков, которые 8 или 9 октября должны были выступить из Смоленска и не позднее 11 октября прибыть в Ельню, распо-

ложенную, как писал Наполеон, «в 22 лье от Смоленска на дороге, ведущей к Калуге». «Эта операция очень важна», — предупредил он Бертье и тут же давал еще одно указание: «Герцог Беллуно (маршал Виктор. — Б. А.) отправит на дорогу, ведущую в Ельню, артиллерийские орудия и обозы, которые придут в Смоленск». Барага д'Илье получил приказ «устроить новую военную дорогу от города Ельни до города Калуги»<sup>38</sup>.

Любопытные сведения содержатся в мемуарах полковника французской армии барона Серуэ. «Я получил приказ, — сообщает мемуарист, — принять командование над большим отрядом, состоящим из солдат, выбранных во всех полках нашей легкой кавалерии; к этим силам я должен был присоединить половину своих конных канониров». Как пишет Серуэ, его отряд выступил из Москвы, когда начался пожар, т. е. в первых числах сентября, а вернулся «в день сражения корпуса Мюрата», т. е. 6 октября. Следовательно, рейд продолжался больше месяца. За это время отряд пересек Московскую, Калужскую, Орловскую и Курскую губернии и достиг, по словам Серуэ, «окрестностей Полтавы». Приведенные им названия населенных пунктов подтверждают это. В ходе рейда Серуэ регулярно информировал Наполеона, «посылая курьеров в Москву». Приказом от 27 сентября французский император награждал своего полковника орденом Почетного легиона<sup>39</sup>.

Мемуарист пытается убедить читателей в том, что целью рейда его отряда была заготовка провианта. Однако такое объяснение не вяжется с приведенными им же фактами. Во-первых, для фуражировки незачем было создавать «большой отряд из отборных солдат» и отправлять его в такую даль. Во-вторых, маловероятно, что за простую фуражировку Наполеон отметил Серуэ такой высокой наградой. И, наконец, после возвращения в Москву отряд не был расформирован, а целиком вошел в состав авангарда французской армии, следовавшего на Малоярославец. Одним из первых он завязал бой за город. В дневнике итальянского офицера Ц. Ложье содержится такое описание действий этого отряда: «Полковник Серуэ ... преодолевает трудности переправы вброд через Лужу и прекрасно задуманным и еще лучше исполненным маневром проникает в небольшой лес и отсюда обрушивается на неприятеля градом картечи и гранат»<sup>40</sup>.

Все это дает основание заключить, что отряд Серуэ проводил глубокую разведку предполагаемого пути движения всей наполеоновской армии.

Сохранились заметки, сделанные Наполеоном в Москве не позднее 24 сентября. В них затронуты два вопроса — условия, которым должен отвечать отход из Москвы, и направления отступления. Он рассчитывал отвести армию так, чтобы приблизиться к Франции и подвластным ей странам, обеспечить войска провиантом и фуражом, занять позицию, позволяющую вынудить правительство России вести переговоры о мире, и, наконец, сохранить престиж. Совершенно очевидно, что смоленско-минско-виленская дорога не отвечала второму условию: Наполеон знал, что на ней нет никаких запасов. В том же документе он отметил, что «Москва больше не представляет никакого интереса», и остановился на трех возможных путях отступления. Отход в направлении на Киев император считал наиболее выгодным, но опасным, т. к. туда, по его словам, «направляется Дунайская армия». Отступление на Смоленск рассматривалось в двух вариантах — через Калугу или прямо из Москвы. Отдавая предпочтение второму, он перечислял его преимущества: «Врага нет, мы хорошо знаем дорогу и она короче на 5 маршей, на полпути мы сможем даже получить обозы из Смоленска». Однако, учитывая, что «в Смоленске и Витебске очень мало запасов», Наполеон пришел к заключению, что отходить в данный район невозможно<sup>41</sup>. От третьего направления — на Петербург — позже он также отказался. Единственно реальным оставался юго-западный путь. Покидая Москву, Наполеон заявил: «Так как в подобных обстоятельствах надо остановиться на плане наименее опасном, я решил на отступление к Киеву, что кажется наиболее выгодным»<sup>42</sup>.

Почему сложилось такое решение? Составляя заметки, Наполеон еще не знал, куда направится Дунайская армия, встречи с которой он желал избежать. В начале октября ему стало известно, что она действует против Шварценберга под Брест-Литовском. Следовательно, ни этой армии, ни других крупных русских сил, как показала разведка, на этом направлении не было.

У наполеоновских маршалов вначале не было единого мнения. На последнем военном совете, который состоялся в Мос-



Кве, Мюрат предложил идти на Петербург, Ней – вернуться в Смоленск, а Даву – напасть на русские войска, сжечь Тулу и Калугу и двинуться на Украину. Победила его точка зрения. Служивший во французской армии голландский генерал Дедде де Гельдер вспоминал: «Был принят совет Даву. Этот план был блестящий и казался возможным, но надо было не медлить в его исполнении»<sup>43</sup>. В случае успеха наполеоновские войска двигались бы действительно по богатым, не тронутым войной районам. На их пути находились Трубчевск, Сосницы и Киев, где в начале октября хранилось около 600 тыс. четвертей провианта и фуража; в Орловской, Черниговской и других губерниях также можно было найти продовольствие<sup>44</sup>.

Кроме того, движение на Украину создавало видимость совершения флангового марша, что позволяло завуалировать отступление и сохранить престиж. Важно было и то, что французская армия приблизилась бы к Австрии и герцогству Варшавскому, что заставило бы правительства последних без дальнейшего промедления выставить те войска, которые требовал Наполеон. Перед выходом из Москвы он издал 25-й бюллетень, в котором объявил о своем намерении вести армию якобы на зимние квартиры в междуречье Днепра и Двины, что нельзя распенить иначе, как новую попытку ввести русское командование в заблуждение.

Основные силы французской армии выступили 6 октября из Москвы, на другой день ее покинул Наполеон. «Я иду на Калугу, и горе тому, кто преградит мне путь», – заявил он. По дороге к Малоярославцу была предпринята еще одна попытка обмануть русских. По распоряжению императора начальник штаба французской армии Бертье послал к Кутузову полковника Бертеми с письмом, датированным 8 октября, в котором запрашивал «окончательное решение» русского правительства относительно предложения Наполеона заключить мир. Помета на письме «г. Москва» должна была убедить Кутузова, что враг еще в столице. Кроме того, Бертеми мог удостовериться, что русская армия стоит в Тарутинском лагере. Таким образом, Наполеон предпринял усилия, чтобы скрыть свои планы, отвлечь внимание русского командования от движения своей армии на Малоярославец и далее на Украину. Инструкция Наполеона Маре от 4(16) октября, 25-й бюлле-

тень, посылка Бертеми в русский штаб – все это меры дезинформации.

Офицеры французской армии строили различные догадки. По словам офицера штаба корпуса Богарне Е. Лабома, «одни говорили, что надо идти на Украину, другие – двинуться на Петербург, самые же умные повторяли, что давно надо было бы вернуться в Вильну». У него сложилось впечатление о «неуверенности в поступках» своего командования. Ц. Ложье записал в дневнике 1 октября: «Начинают уже спрашивать друг у друга, по какой дороге пойдем обратно: по той ли, по которой пришли, или двинемся на юго-запад?». Однако немецкий врач Г. Росс, следовавший с корпусом Мюрата, передает распространенный в те дни «слух, что Наполеон имеет намерение проникнуть в южные губернии, житницы России»<sup>45</sup>. Таким образом, несмотря на глубокую тайну, в которой Наполеон хранил свой план отступления, слух о движении на Украину, хотя и неопределенный, просочился в его войска. Примечательно, что никто из мемуаристов не вспоминает об официально объявленном намерении следовать в междуречье Днепра и Двины: очевидно, в него не верили.

М. И. Кутузов не сомневался, что «Наполеон долго в Москве не пробудет». Важно было установить, по какой дороге будет отступать французская армия. Командиры частей, партизанских и ополченских отрядов доносили в главную квартиру обо всех движениях противника; путем опроса пленных и дезертиров, разведки в тылу наполеоновских войск русское командование, по словам Кутузова, «ежедневно и ежечасно» получало «достоверные сведения обо всем, в Москве происходящем»<sup>46</sup>.

Донесения поступали и с юго-западного театра войны. Разведчики сообщали в Главный штаб, что «от Могилева по тракту Черниговскому чинятся неприятелем мосты», что «из Старого Быхова назначено 2 тыс. войска для занятия местечка Журавичи», что «неприятель тремя дивизиями войск французских и польских имеют проходить через Рогаческий повет» (уезд. – Б. А.), что в южные уезды Могилевской губернии «свезено неприятелем множество ржи, которая перемальвывается в муку», что из Мстиславля готов выступить сильный отряд противника, «направляя путь свой к Чернигову». Почти каждое

донесение заканчивалось словами: «Сие от офицеров французских узнано». В донесениях содержались сведения и о том, что Наполеон приказал Виктору двинуть часть своего корпуса на Украину<sup>47</sup>.

Свои первые соображения о возможных путях отхода французов из Москвы М. И. Кутузов изложил в донесении Александру I от 22 сентября. «Показания пленных и дезертиров весьма разнообразны, — писал он. — Трудно теперь проникнуть намерение его (Наполеона. — Б. А.), показания некоторых пленных дают даже подозрение, что неприятель намерен ретироваться по Смоленской дороге». Далее Кутузов сообщал, как будет действовать в той или иной ситуации. Если Наполеон станет отступать по Смоленской дороге, русские войска, «не теряя времени», двинутся «параллельно сей дороге к Юхнову», если же противник пойдет в другом направлении, то предполагалось послать ему навстречу 1-2 пехотных корпуса с артиллерией<sup>48</sup>. Из этого донесения ясны идеи, которыми Кутузов руководствовался до и после Малоюрославецкого сражения: встречным наступлением не позволить врагу прорваться на юг, а затем преследовать его параллельным маршем. Из донесения видно, что показаниям пленных о намерении Наполеона отступать на Смоленск русский полководец не доверял.

Юго-западное направление все чаще фигурировало в показаниях пленных и дезертиров. Опрос их иногда проводил сам главнокомандующий. «Я вчерась говорил с одной партией пленных офицеров»<sup>49</sup>, — писал он жене 7 октября. Племянник французского военного министра Ж. Кларка заявил, что «Наполеон не намерен оставаться в Москве, а продолжит себе путь силою на Украину». Бригадный генерал Ж.-П. Ожеро (брат маршала П.-Ф. Ожеро) сообщил, что усиленной дивизии Барага д'Илье приказано строить военную дорогу от Ельни до Калуги<sup>50</sup>. Комментируя сведения Ожеро, составители журнала военных действий Главного штаба отметили, что это «ясно доказывает намерение главной французской армии по выходе из Москвы следовать на Калугу и далее и через то овладеть изобильнейшими губерниями». Так как журнал регулярно просматривался фельдмаршалом, есть основания предполагать, что данная запись отражала его мнение. О намере-

нии французского императора вести наступление на Украину доносили главнокомандующему и русские агенты, находившиеся в стане врага. Ф. Глинка свидетельствует: «Вскоре после Тарутинского дела 6 октября князь светлейший получил известие, что Наполеон, оставляя Москву, намерен прорваться в Малороссию»<sup>51</sup>. Знал Кутузов и о засылке французской агентуры на Украину. 26 сентября он писал Чичагову: «По верным дошедшим до меня сведениям, отправлены французами из Москвы в Киев два шпиона»<sup>52</sup>.

В конце сентября — начале октября М. И. Кутузов провел серию мероприятий, направленных на срыв замыслов противника. Сводный отряд под командованием генерал-майора И. С. Дорохова (5 батальонов пехоты, 4 эскадрона Елисаветградского гусарского полка, 2 казачьих донских полка и 8 орудий) получил задание овладеть Вереей и «действовать по пространству, лежащему между Гжатска и Можайска». Ему должен был помогать армейский партизанский отряд полковника И. М. Вадбольского. Партизанам капитана А. С. Фигнера было приказано действовать между Можайском и Москвою, армейскому отряду полковника Н. Д. Кудашева «дано направление на Серпуховскую дорогу, где, учинив над неприятелем поиски в стороне Подольска, обойти неприятельскую армию и соединиться с партией капитана Фигнера». В журнале военных действий Главного штаба за 25-28 сентября говорится: «Все разосланные партии, хотя и находятся в различных от армии направлениях, но не менее того составляют между собой непрерывную связь, что удобно видеть можно, сообразя взаимное их положение. От Смоленска до Гжатска действует подполковник Давыдов, от Гжатска до Можайска генерал-майор Дорохов, а от Можайска до Москвы капитан Фигнер»<sup>53</sup>.

Таким образом, фельдмаршал поставил под наблюдение все возможные пути отхода наполеоновской армии из Москвы. От командиров отрядов он потребовал усилить разведку, «получить через поселян достоверное известие о движении неприятельском»<sup>54</sup>.

Циркуляром от 8 октября Кутузов оповестил Фигнера, Сеславина, Кудашева и Давыдова о результатах сражения на речке Чернишне (6 октября) и выразил уверенность в том, что

Наполеон оставит Москву. Он приказывал усилить наблюдение за противником и в случае его приближения «все селения, фураж и всякого рода запасы предавать огню»<sup>55</sup>. Аналогичные предписания были посланы губернаторам Калужской, Тульской, Орловской и других губерний, прилегающих к театру военных действий. В каждом городе, селе, деревне были заготовлены горючие материалы.

Одновременно укреплялась оборона северных границ Вольнской, Киевской, Черниговской и Калужской губерний. От командующего 3-й Западной армией генерала А. П. Тормасова Кутузов потребовал «пробывать в Вольнии и Подолии для охранения того края, наипаче Киева, от покушений неприятельских»<sup>56</sup>. Численность корпуса Эртеля была доведена до 20,5 тыс. человек. В его задачу входила защита Киевской и отчасти Черниговской губерний. По Днепру в Припять вошли 73 канонерские лодки Днепровской военной флотилии, имевшие на борту свыше 4 тыс. солдат. Гарнизоны Бобруйской и Киевской крепостей насчитывали более 6 тыс. человек каждый. По распоряжению фельдмаршала вдоль северной границы Черниговщины была организована так называемая «кордонная цепь» протяженностью 700 верст, охраняемая 60 тыс. ратников и казаков Украинского ополчения<sup>57</sup>. В районе Рославля украинские ополченцы взаимодействовали с калужскими. Под Рославль, через который враг мог прорваться к Брянску и Шосткинскому пороховому заводу, прибыл пятитысячный отряд регулярных войск с 9 орудиями. На Ельню отправился десяти тысячный отряд Калужского ополчения.

На других направлениях также были созданы превосходства в силах: 65-тысячной группировке Шварценберга противостояли войска объединенных 3-й Западной и Дунайской армий, насчитывавшие около 100 тыс. солдат и офицеров при 402 орудиях<sup>58</sup>; против 12-тысячной дивизии Домбровского действовал 20-тысячный корпус Эртеля; наполеоновским войскам в Южной Белоруссии противостояли отдельные отряды регулярных войск, поддерживаемые Украинским ополчением.

В начале войны русское правительство заключило с венским двором тайное соглашение, согласно которому обе стороны обязались не нарушать русско-австрийской границы, а

Франц I обещал, что численность войск, действовавших против России, не будет превышать 30 тыс. человек<sup>59</sup>. Кутузов знал об этом соглашении и приказал ни в коем случае «не нарушать границ Австрии, хотя бы Шварценберг, убегая войск наших, и вступил бы в свои пределы». Александр I одобрил его решение<sup>60</sup>. Со своей стороны, венский двор также выполнил условия соглашения. Несмотря на все домогательства Наполеона, австрийское правительство не дало ему новых войск, хотя располагало армией в 200 тыс. человек, и не нарушило австро-русскую границу.

К. Клаузевиц ошибочно полагал, что движением французской армии на Малоярославец Кутузов «был захвачен врасплох»<sup>61</sup>. В действительности же принятые фельдмаршалом меры дали свои результаты. О выступлении французов из Москвы он узнал при следующих обстоятельствах. 7 октября Дорохов донес дежурному генералу Главного штаба П. П. Коновницкому о том, что французские войска появились под Фоминским — это была авангардная дивизия генерала Ж.-Б. Брусье. Кутузов немедленно направил на усиление войск Дорохова два полка. 9 октября Дорохов сообщил о вступлении в Фоминское еще одной дивизии противника и, опираясь на показания пленных, высказал предположение, что «сие действие неприятеля может быть предварительным движением целой его армии на Боровск». Этот рапорт поступил в Главный штаб в тот же день. Начальник штаба А. П. Ермолов предписал командующему 6-м пехотным корпусом Д. С. Дохтурову «завтра пред рассветом... выступить». «Его светлость (Кутузов. — В. А.) желает, — подчеркивал Ермолов, — чтобы предприятие сие покрыто было непроницаемою тайною». В предписании не указывались ни маршрут, ни конечный пункт движения. Вести корпус должен был сам Ермолов<sup>62</sup>. Следовательно, о задачах корпуса знали только два человека — Кутузов и начальник штаба.

Утром 10 октября 6-й корпус, усиленный кавалерийской дивизией, выступил из Тарутина. Дохтурову были подчинены армейские партизанские отряды Фигнера и Сеславина. Генерал М. А. Милорадович получил приказ атаковать французские войска на Старой Калужской дороге и тем самым отвлечь их внимание от движения войск Дохтурова на Фоминское. К вечеру войска Дохтурова прибыли в село Аристово. Сюда же

подошел отряд Дорохова. Тот доложил Дохтурову, что около Фоминского и за рекой Нарой «видно множество неприятельских огней», и высказал предположение, что там сосредоточены крупные силы французов. Через два часа к Дохтурову явился Сеславин и сообщил, что «неприятель вступил в Боровск и в армии (французской. — Б. А.) слухи носят, что идут на Можайскую дорогу»<sup>63</sup>. Сеславин представил нескольких плененных французских гвардейцев, которые на допросе показали, что в 6 верстах от Фоминского расположились главные силы французской армии и при них находится Наполеон. Одновременно из Боровска пришел крестьянин, который сказал, что наблюдал движение французов. Его сообщение вскоре подтвердили посланные Дороховым разъезды. Сомнений не оставалось: французская армия оставила Москву и скрытно движется на Малоярославец.

Несмотря на позднее время, Дохтуров решил известить об этом Кутузова. Посланный им дежурный офицер штаба Дорохова Д. Н. Болговский ночью явился к Кутузову. По воспоминаниям Болговского, фельдмаршал, поняв из доклада, что Наполеон оставил Москву и отступает, произнес: «С сей минуты Россия спасена!»<sup>64</sup>. Оправдалось его предвидение о том, что «Наполеон долго в Москве не пробудет», при этом французская армия отступала в направлении, на котором он готовился к решительному сражению.

Утром 11 октября Милорадович сообщил, что французская армия переходит на Новую Калужскую дорогу. Кутузов больше не сомневался, что Наполеон стремится обойти Тарутинский лагерь, чтобы через Боровск и Малоярославец двинуться на Калугу. Он немедленно приказал Дохтурову следовать форсированным маршем к Малоярославцу. Сюда же были направлены корпус донских казаков М. И. Платова, отряды Дорохова и Кудашева. Во второй половине того же дня из Тарутина на Малоярославец выступила вся армия. В журнале военных действий Главного штаба 11 октября была сделана запись: «Неприятель, по-видимому, оставил совсем Москву, дабы отступить изобильнейшими нашими провинциями»<sup>65</sup>. Итак, Наполеону не удалось скрытно произвести маневр. При получении первых же известий о движении французов на Малоярославец Главный штаб сделал вывод об их намере-

нии прорваться в южные губернии. Заблаговременно высланные Кутузовым войска 12 октября подошли к Малоярославцу почти одновременно с передовыми частями Великой армии.

Ход и результаты Малоярославецкого сражения обстоятельно освещены в трудах Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, Н. А. Троицкого и других историков. Однако дальнейшие события этого периода войны нуждаются в некоторых уточнениях. В частности, иногда упоминают только об одном военном совете, проведенном Наполеоном в деревне Городне, причем не называют обсуждавшиеся вопросы. Заслуживают большего внимания действия наполеоновских войск на русском левом фланге, нуждается в уточнении место Калуги в планах Наполеона.

Мемуаристы единодушны в том, что Наполеон провел в Городне два военных совета: первый — сразу после сражения, второй — днем 13 октября. По словам участника похода Ж. де Шамбре, на первом совете Наполеон сформулировал вопрос так: «Атаковать ли нам русскую армию и силой открыть путь в южные провинции России или отступить к Смоленску, соединиться с герцогом Беллуно, прогнать Витгенштейна за Двину, Чичагова — за Стырь и потом, расположившись на зимние квартиры за Днепром и Двиной, ожидать весны?»<sup>66</sup>. Присутствовавшие на совете А. Л. Бертье, И. Мюрат и Ж.-Б. Бессьер решительно высказались против нового сражения. Бессьер говорил: «Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии не хватит мужества... А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»<sup>67</sup>. С его мнением согласились другие маршалы. Выслушав их, Наполеон заявил: «Прибытие Кутузова на Калужскую дорогу совсем переменяло положение дел»<sup>68</sup>. Но своего решения не сообщил.

Он еще надеялся на успех. Корпус И. Понятовского в это время шел в обход Малоярославца на Медынь. Вслед ему Наполеон рассчитывал двинуть всю армию. Однако и этот его замысел был сорван. Утром 13 октября 20 полков донских казаков атаковали французскую армию, вызвав страшную панику в ее рядах. Казаки отбили 11 орудий, чуть не взяли в плен императора, проводившего рекогносцировку. В тот же

день под Медынь потерпел жестокое поражение авангард польского корпуса. Потеряв свыше 500 человек убитыми и 5 орудий, остатки авангарда отступили. Пленен был его командир генерал Тышкевич, у которого был обнаружен приказ Бертье собирать сведения о дорогах, ведущих на Медынь, Масальск и Ельню. Пленные показали, что корпус Понятовского имел задание «овладеть Медынью и далее прорваться по дороге на Калугу»<sup>69</sup>. Получив эти сведения, Кутузов в ночь на 14 октября перевел свою армию к Детчину, а затем к слободе Полотняный Завод, прикрыв Медынь.

После неудачной рекогносцировки, которая едва не стала для него последней, Наполеон созвал новый военный совет. На этот раз речь шла о путях отхода от Малоярославца. Мнения разделились: Мюрат предлагал отступать на Можайск, Даву — двинуться на Юхнов и Ельню. Как и в первый раз, не сообщив своего решения, император закрыл совет. По свидетельству присутствовавшего на нем военного врача при Главном штабе французской армии И. Руа, «на этом совещании все были того мнения, что состояние, в котором находилась тогда французская армия, заставляет отказаться от проектировавшегося похода на Калугу... Только один Наполеон держался тогда противоположного взгляда; он хотел продолжать свое движение к югу»<sup>70</sup>. Очевидно, не зная еще о поражении Понятовского и о переходе русской армии ближе к Медынской дороге, тот по-прежнему намеревался прорываться через Калугу. Утром 14 октября, выехав из Городни к Малоярославцу, на полпути получив известие о приближении русской армии к Детчину, император отдал приказ отходить по Смоленской дороге.

Наполеоновские войска, расположенные в Могилевской и Смоленской губерниях, в середине октября также вели наступление в южном направлении. 12 октября семитысячный отряд французов, выступивший из Мстиславля, овладел Чечерском и продолжал двигаться на юг. Одновременно из Рогачева на Пропойск наступали четыре полка польской кавалерии и два батальона немецкой пехоты<sup>71</sup>.

Крупный отряд двигался по тракту Могилев—Чернигов. Сообщая Кутузову о наступлении противника на Черниговскую губернию, генерал-губернатор Малороссии Я. И. Лоба-

нов-Ростовский просил войск. В рапорте Кутузову от 14 октября Эртель предложил «идти в Малороссию, чтобы вытеснить из оной грабителей»<sup>72</sup>. Главнокомандующий отказал обоем, так как не хотел дробить свою армию и полагался на силу Украинского ополчения.

Под Пропойск, Чечерск и в другие угрожаемые места были направлены дополнительные силы ополченцев. Совместно с частями Эртеля они остановили противника, а затем перешли в наступление. Ожесточенные бои шли в районе Рославля. Французы пытались наступать на Брянск—Калугу. Выше говорилось о задачах усиленной дивизии Барага д'Илье. 10 октября из Фоминского Наполеон приказал Виктору двинуть пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду в Ельню, «а отсюда для соединения с главной армией на Калугу»<sup>73</sup>. Часть этих войск сосредоточилась в Ельне, их передовые отряды выступили на Рославль, однако были остановлены силами Калужского и Черниговского ополчений.

Взаимодействие между этими соединениями установилось еще во время сентябрьских боев за Рославль и Брянск. В октябре они не дали французам захватить Черниговскую и Калужскую губернии. Опасаясь, что противник займет Рославль, начальник Калужского ополчения генерал В. Ф. Шепелев просил генерала Н. В. Гудовича — начальника Черниговско-Полтавского ополчения — «выслать в оный два полка казачьих и четыре батальона пехоты» и тем самым «города Брянск и Рославль останутся в целости, и не воспользуется голодный неприятель запасным фуражом». Гудович немедленно выслал в Рославль и под Брянск сильный отряд ратников и казаков и приказал «от стороны Хотимска и других прилегающих мест к ловету Мглинскому и части Суражского» усилить защиту, «сведя оную с других мест»<sup>74</sup>. По прибытии отряда Украинского ополчения калужские ратники перешли в наступление. 14 октября отряд генерала В. М. Яшвиля атаковал французов (1200 человек), выступивших из Ельни, и, по словам Шепелева, «прокинул оных мгновенно, гнал в беспорядке бегущих к городу». Действия калужских ополченцев, украинских ратников и казаков сорвали задуманное Наполеоном наступление из Ельни на Калугу. Позже Калужское ополчение и партизанские отряды Давыдова, Орлова-Денисова, Сеслави-

на и Фигнера полностью ликвидировали ельнинскую группировку<sup>75</sup>.

Сосредоточение французских войск вблизи Черниговской и Калужской губерний и одновременное их наступление в середине октября на Пропойск, Чечерск и Рославль не было случайным. По времени оно совпадало со сражением под Малоярославцем. Это дает основание считать, что из Смоленской и Могилевской губерний наносились вспомогательные удары, главным же силам наполеоновской армии ставилась задача овладеть Калугой и идти в южные губернии. Калуга явно была не конечным, а сборным пунктом наполеоновской армии. Именно так и думали современники. 27 октября Ф. В. Ростопчин сообщал министру полиции С. К. Вязмитинову, что, по его мнению, «намерение Наполеона было идти через Калугу на Киев, и для того в первом из сих городов приказано было сходитья всем отрядам»<sup>76</sup>. Многие участники войны так же оценивали сражение под Малоярославцем. 23 октября 1812 г. Ф. Н. Глинка писал: «Вся армия... заслонила собою врата Малороссии»<sup>77</sup>. В листовке, изданной походной типографией 12 декабря, говорилось: «Сей день, увенчавший русское оружие новою славою, прекратил мгновенно все стратегические тонкости Наполеона и смещал все его планы»<sup>78</sup>.

Некоторые участники и очевидцы войны высказали свое мнение о том, как намеревался действовать французский полководец, овладев Калугой. Генерал-квартирмейстер Главного штаба К. Ф. Толь в своем «Описании сражения при г. Малоярославце», сделанном по горячим следам, считал, что Наполеон стремился овладеть Калугой для того, «чтобы, приняв за линию основания (базирования) Орловскую, Черниговскую и Могилевскую губернии, учредить себе новую операционную линию чрез Рославль, Рогачев, мимо Бобруйска на Слуцк и Несвиж к западной границе России...»<sup>79</sup>. Ф. В. Ростопчин в письме графу М. С. Воронцову от 28 апреля 1813 г. писал: «...если он (Наполеон. — Б. А.) мог в пять дней разграбить и сжечь этот несчастный город (Калугу. — Б. А.), он мог бы раньше нас стать на Калужскую дорогу и продолжать спокойно свой поход, направляясь на Брянск, Киев, чтобы войти в Подолье и Вольны»<sup>80</sup>.

В 1816 г., находясь в заточении на острове Св. Елены, Напо-

леон говорил: «Я хотел двинуться из Москвы в Петербург или же вернуться по юго-западному пути; я никогда не думал выбирать для этой цели дороги на Смоленск и Вильну»<sup>81</sup>. Если до выступления из Москвы в армии французов ходили разнобразные слухи о путях отхода, то после Малоярославского сражения картина изменилась. Теперь все участники похода были убеждены, что они шли на Украину. Лабом писал: «Все опытные военные поняли, что русские разгадали план Наполеона... С этих пор всякий разговор о Калуге и Украине прекратился». Л. Г. Пюйбюск 18 октября сообщал из Смоленска своему другу: «Мы потеряли всю возможность взять направление на Калугу и южные губернии, где бы могли найти изобилие и нетронутые места, удобные для отступления». 15 января 1813 г. Ложье риторически вопрошал: «Почему не воспользовались победой итальянцев при Малоярославце 24 октября (н. ст. — Б. А.) и отступили, вместо того, чтобы идти на Украину?»<sup>82</sup>. Таким образом, представители двух противоборствующих армий единодушны в оценке исторического значения Малоярославского сражения: по выражению Кутузова, «Малоярославец — предел нападения, начало бегства и гибели врагов»<sup>83</sup>.

В литературе высказывались предположения, что Кутузов «не хуже Клаузевица и самого Наполеона понимал, что в конечном счете едва ли французская армия могла вовсе отказаться от «подготовленной» дороги и от смоленских продовольственных запасов». Указывалось, что, якобы, по мнению русского полководца, «единственным реальным путем для отхода французов является Смоленский тракт»<sup>84</sup>. Никаких источников в подтверждение не приводилось. Между тем русский фельдмаршал во многих документах высказал свое мнение о планах отхода Наполеона из Москвы. Впервые он докладывал царю об этом 13 октября: «Неприятель кажется совсем оставил уже Москву и с намерением отступить изобильными нашими провинциями потянулся всеми своими силами по Новой Калужской дороге к Боровску. При всех хитрых и свойственных ему движениях намерение его было предупреждено»<sup>85</sup>. Понятна осторожность, с какой оценивались действия неприятеля: Кутузов не располагал в то время полными данными. По той же причине неконкретно названа и конечная

цель движения французской армии: под «изобильными провинциями» можно подразумевать любые южные губернии России. Но уже 28 октября в письме сенатору Д. П. Тропинскому Кутузов перечислил губернии, которые он имел в виду, и одновременно снова отметил, что Калуга являлась лишь промежуточным пунктом движения французской армии: «Наполеон с изнуренным своим войском искал прорваться через Калугу в защищаемые столь горячо мною губернии, как-то: Тульскую, Орловскую, Полтавскую и Черниговскую»<sup>86</sup>.

Последующие донесения Кутузова показывают, что с каждым днем он все больше убеждался в правоте своего первоначального вывода о планах Наполеона. «С самой той минуты, — писал он царю 7 ноября, — как неприятель после разбития 6-го числа прошедшего месяца решился оставить Москву, должно было прежде думать закрыть коммуникации наши с Калугою и воспрепятствовать ему вход в оную, чрез которую намерен он был пройти в Орловскую губернию и потом в Малороссию, дабы не терпеть тех недостатков, каковые довели теперь его армию до такового бедственного состояния. Что он имел сие намерение, подтвердили мне многие из пленных генералов, почему и должно было заставить его идти по Смоленской дороге, на которой (как нам известно было) он не приготовлял никакого пропитания». Далее главнокомандующий пояснял сущность своего движения через Медынь к Боровску: оно было вызвано необходимостью прикрыть опять-таки южное направление<sup>87</sup>.

Из этого донесения следует, что Кутузов заранее учитывал возможность движения наполеоновской армии на юг и соответствующим образом к этому подготовился. Действия русских войск под Малоярославцем — лучшее тому подтверждение. Разобраться в обстановке и уяснить планы Наполеона фельдмаршалу помогли показания пленных французских генералов, но эти показания лишь подтвердили его выводы, сделанные на основе других данных. Нет причин считать, что он представлял себе образ действий и намерения французского императора иначе, в ложном свете. Вопреки распространенному в литературе мнению, Кутузов точно знал, что крупных баз снабжения у Наполеона на Смоленской дороге не было.

В декабре 1812 г. главнокомандующий представил Александру I рапорт, в котором дал военно-стратегический обзор кампании со дня отступления армии в Тарутинский лагерь до изгнания вражеских войск из России. Касаясь замыслов Наполеона после выступления из Москвы, он писал, что тот имел в виду «Боровскою дорогою пройти в Калугу, и если бы удалось ему разбить нас при Малом Ярославце, опрокинув нас за Оку, расположиться в богатейших губерниях наших на зимовые квартиры». Так как раньше Кутузов уже называл украинские губернии, ясно, что и теперь речь шла именно о них. 9 февраля 1813 г., оценивая результаты Малоярославецкого сражения, фельдмаршал писал, что, «опасаясь всегда» движения наполеоновской армии по Боровской дороге, он заблаговременно выслал корпус Дохтурова «к стороне села Фоминского». День 12 октября 1812 г. он назвал одним из «знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции»<sup>88</sup>. Разгадав замысел французского командования, Кутузов уже с 28 октября 1812 г. с уверенностью утверждал, что Наполеон преследует цель прорваться в украинские губернии, перезимовать там, усилить свою армию, а весной 1813 г. возобновить военные действия.

Осуществляя параллельное преследование французской армии, М. И. Кутузов решал комплекс задач, одна из которых состояла в том, чтобы, по его словам, «бегущий неприятель» не посмел «более кинуться в полуденные губернии наши»<sup>89</sup>. Он неоднократно предупреждал своих подчиненных о возможной смене маршрута наполеоновских войск — повороте на юг. Так, в письме командующему 3-й Западной армией адмиралу П. В. Чичагову от 10 ноября он указывал, что противник может идти в этом направлении и «захочет пробраться на Вольнь, для чего не лишне было бы наблюдать его партизанами...»<sup>90</sup>. По приказанию фельдмаршала часть черниговско-полтавского ополчения двинулась к Бельничам, где установила связь с войсками Чичагова; в Киевскую и Вольнскую губернии вступили Поволжское, Рязанское и Тульское ополчения и 14 башкирских конных полков; корпус генерал-лейтенанта

Ф. В. Остен-Сакена, находившийся в Гродненской губернии, был усилен артиллерией и конницей<sup>91</sup>.

Все эти меры имели важное значение. Дело в том, что в письме от 29 ноября Наполеон снова просил своего тестя отдать приказ, чтобы «30 тыс. солдат, которые находятся в Трансильвании и Венгрии, перешли в наступление на Волынь». В послании Францу I от 2 декабря он уже настаивал на выделении 60 тыс. войск. По замыслу французского полководца, они должны были «ударить во фланг русской армии и тем самым не позволить ей вторгнуться в герцогство Варшавское»<sup>92</sup>.

Итак, анализ разнообразных источников, прежде всего оперативной переписки Наполеона и Кутузова, а также действия французских и русских войск в середине октября 1812 г. убедительно свидетельствуют о том, что в боях за Малоярославец русская армия решила не тактическую (защита Калуги, как считают многие историки), а крупную стратегическую задачу — сорвала план прорыва французских войск на Украину и заставила их отступать по разоренной Старой Смоленской дороге. Дальновидность Кутузова как полководца проявилась и в том, что по движению французских войск к Малоярославцу он понял скрытую цель Наполеона, а разгадав его стратегический план, твердо и последовательно проводил мероприятия, приведшие к полному краху замыслов неприятеля.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Русский архив. 1908 г., кн. 2. С. 271.
- <sup>2</sup> Русская старина. 1909. Ноябрь. С. 361-362.
- <sup>3</sup> Обратный поход французов из России в 1812 г. Вильна, 1812. С. 8-9.
- <sup>4</sup> См.: Тартаковский А. Г. Из истории русской военной публицистики 1812 г. // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. М., 1962. С. 235.
- <sup>5</sup> Безобразов А. М. Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 г. СПб., 1813. С. 28.
- <sup>6</sup> Тихонов Я. Поражение французов на Севере. М., 1814. С. 258.
- <sup>7</sup> Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 г. СПб., 1819. С. 204.
- <sup>8</sup> Жюмпили Г. Политическая и военная жизнь Наполеона. Ч. 5. СПб., 1840. Гл. 18.
- <sup>9</sup> Fain A. Manuscrit. P., 1827. T. 2. P. 157.
- <sup>10</sup> Correspondance de Napoléon 1-er. P., 1868. T. 24. P. 265-266.
- <sup>11</sup> Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 120.
- <sup>12</sup> Пойбиюск Л. Г. Письма о войне 1812 г. М., 1833. С. 49.
- <sup>13</sup> М. И. Кутузов: Сб. док. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 321.
- <sup>14</sup> Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г. Ч. 4. СПб., 1839. С. 238; Михневич Н. П. Отечественная война 1812 г. СПб., 1912. С. 20-21; Никулицев Б. А. Марш-маневр Наполеона на Малоярославец / Военно-истор. сб. 1911. №2.
- <sup>15</sup> Ниве П. А. Отечественная война. СПб., 1911. Т. 3. С. 473.
- <sup>16</sup> Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. СПб., 1913. Т. 3. Разрыв франко-русского союза. С. 547.
- <sup>17</sup> История XIX века / Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 2. С. 271.
- <sup>18</sup> Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. М., 1938. С. 220-221.
- <sup>19</sup> См.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 144-151.
- <sup>20</sup> Жилин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 г. М., 1953. С. 178; Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 272.
- <sup>21</sup> Montholon Ch. Mémoires. P., 1823. P. 213.
- <sup>22</sup> См.: М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 2. С. 64-67.
- <sup>23</sup> Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 504, 512, 516.
- <sup>24</sup> Окунь С. Б. История СССР. Лекции. Ч. 2. 1812-1825 гг. Л., 1978. С. 44.
- <sup>25</sup> История СССР / Под ред. В. В. Мавродина. Ч. 1. 4-е изд. М., 1979; см. также: История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 4. С. 57.
- <sup>26</sup> Абалякин Б. С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 г. // Вопр. истории. 1985. №2. С. 64-79.
- <sup>27</sup> Безотосный В. М. Французская и русская разведки и планы сторон в 1812 г. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 165.
- <sup>28</sup> Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 247-254.
- <sup>29</sup> Коленкур А. де. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 155, 158.



- <sup>30</sup> Цит. по: Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 181.
- <sup>31</sup> История XIX века. Т. 2. С. 269.
- <sup>32</sup> Русский архив. 1866. С. 699.
- <sup>33</sup> Коленкур А. де. Мемуары: Поход... С. 183.
- <sup>34</sup> Pradt D. de. Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie en 1812. P., 1816. P. 192-193.
- <sup>35</sup> Коленкур А. де. Мемуары: Поход... С. 173-174.
- <sup>36</sup> Correspondance de Napoléon 1-er. P., 1868. Т. 24. P. 214, 225, 226, 250, 251, 253, 257, 260, 270.
- <sup>37</sup> Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле // Воен. б-ка. СПб., 1871. Т. 4. С. 27-28.
- <sup>38</sup> Correspondance de Napoléon 1-er. Т. 24. P. 224. P. 225-226, 269, 270.
- <sup>39</sup> Mémoires militaires du baron Seruzer, colonel d'artillerie légère, commandant de le Légion d'honneur. P., 1823. P. 223-224.
- <sup>40</sup> Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 1912. С. 223.
- <sup>41</sup> Correspondance de Napoléon 1-er. Т. 24. P. 235-236.
- <sup>42</sup> Жюмини Г. Политическая и военная жизнь... Ч. 5. С. 370. Н. А. Троицкий заявляет, что Б.С.Абалихин «почему-то истолковал» свидетельство Жюмини «в обратном смысле». Как можно истолковать слова «в обратном смысле»?
- <sup>43</sup> Из записок Дедема // Истор. вестник. 1900. Июль. С. 231. Одной из причин оставления Москвы Дедем считал то, что «корпус Чичагова грозил отрезать нас от Польши» (Там же).
- <sup>44</sup> См., например: Труды Черниговской архивной комиссии. Чернигов, 1913. Вып. 10. С. 129.
- <sup>45</sup> Росс Г. С Наполеоном в Россию. СПб., 1912. С. 78; Ложье Ц. Дневник офицера... С. 200; Васютинский А. и др. Французы в России. Ч. 2. М., 1912. С. 77-78.
- <sup>46</sup> М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 1. С. 313, 473.
- <sup>47</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, д. 3518, ч. 1, лл. 505-509 об.; д. 3605, лл. 416, 419; ф. 49, оп. 211, св. 16, д. 280, лл. 14-15.
- <sup>48</sup> М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 1. С. 354.
- <sup>49</sup> Там же. Ч. 2. С. 22.
- <sup>50</sup> Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 208; Из боевого прошлого русской армии: Сб. док. М., 1947. С. 183.
- <sup>51</sup> Глинка Ф. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 г. СПб., 1821. С. 154.
- <sup>52</sup> М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 1. С. 386; Ч. 2. С. 248.
- <sup>53</sup> Там же. Ч. 1. С. 400.
- <sup>54</sup> Там же. Ч. 2. С. 8.
- <sup>55</sup> Там же. С. 37-38.
- <sup>56</sup> Там же. Ч. 1. С. 245.
- <sup>57</sup> РГВИА, ф. 474, д. 37, л. 1; д. 45, л. 14; Народное ополчение... С. 432-433.
- <sup>58</sup> РГВИА, ф. 14414, оп. 291 (11а), св. 281, д. 8, ч. 3, лл. 9-10.
- <sup>59</sup> См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Док. Рос. мин-ва иностр. дел. Сер. 1. М., 1962. Т. 6. С. 449-501.

- <sup>60</sup> См.: М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 2. С. 455, 505.
- <sup>61</sup> Клаузевиц К. 1812 год... С. 181.
- <sup>62</sup> М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 2. С. 33-34, 57-58, 129.
- <sup>63</sup> РГВИА, ф. ВУА, д. 3503, л. 22.
- <sup>64</sup> Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1912. Вып. 1. С. 242-243.
- <sup>65</sup> М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 2. С. 83, 85-86, 131. Еще раз напомним, что журнал военных действий регулярно просматривался М. И. Кутузовым, следовательно, эта запись отражала его мнение о планах Наполеона. В связи с этим вызывает удивление заявление Н. А. Троицкого о том, что главнокомандующий якобы только с 28 октября (9 ноября) писал о намерении французского полководца прорваться в украинские губернии (Троицкий Н. А. 1812. Великий год... С. 260-261).
- <sup>66</sup> Chambray L. Histoire de l'expédition de Russie. Т. 2. P., 1823. P. 100-101. Н. А. Троицкий сообщил об обоих советах, но почему-то не назвал вопрос, поставленный Наполеоном на первом из них (Троицкий Н. А. 1812. Великий год... С. 260-261), хотя он отражал первоначальный замысел французского императора. Заметим, что Н. А. Троицкий необоснованно упрекает Л. Г. Бескровного за то, что тот якобы умалчивал «о том, в чьих руках остался» Малоярославец (Троицкий Н. А. 1812. Великий год... С. 259). Описывая окончание сражения, Л. Г. Бескровный отметил: «Близилась ночь, бой затихал, и к 23 часам руины города остались в руках противника, а русские закрепились на высотах южнее Малоярославца» (Бескровный Л. Г. Отечественная война... С. 512).
- <sup>67</sup> Цит. по: Сегюр Ф. П. Поход в Москву в 1812 г. М., 1911. С. 99.
- <sup>68</sup> См.: Бескровный Л. Г. Отечественная война... С. 513-514.
- <sup>69</sup> РГВИА, ф. ВУА, д. 3509, лл. 167-168.
- <sup>70</sup> Руа И. Французы в России: Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912. С. 59.
- <sup>71</sup> РГВИА, ф. 474, д. 45, лл. 12, 14.
- <sup>72</sup> Там же, ф. ВУА, д. 3518, ч. 2, л. 22.
- <sup>73</sup> Correspondance de Napoléon 1-er. Т. 24. P. 282-283.
- <sup>74</sup> РГВИА, ф. ВУА, д. 3518, ч. 2, лл. 13-15.
- <sup>75</sup> См.: Народное ополчение... С. 154-155; М. И. Кутузов: Сб. док... Ч. 2. С. 247-248.
- <sup>76</sup> Ново-найденные бумаги гр. Ф. В. Ростопчина // Рус. архив. 1881. Т. 3. С. 224.
- <sup>77</sup> Глинка Ф. Письма русского офицера... С. 154.
- <sup>78</sup> Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 101.
- <sup>79</sup> Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. СПб., 1912. Вып. 6. С. 211-212.
- <sup>80</sup> Письма гр. Ф. В. Ростопчина к гр. М. С. Воронцову и его отцу // Рус. архив. 1908. Кн. 2. С. 274.
- <sup>81</sup> Цит. по: Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 3. С. 31.
- <sup>82</sup> Васютинский А. и др. Французы в России... С. 152-153; Пюибюск Л. Г. Письма о войне... С. 102-103; Ложье Ц. Дневник офицера... С. 367. Упомянув о